

Е. Г. Рабинович

«ВШИВАЯ БОЛЕЗНЬ»

(Смерть Суллы в биографическом предании)*

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что некоторые виды деятельности – в основном, конечно, публичной, как политика или философия – нередко ассоциируются не только с определенной поэтикой жизни, но и с определенной поэтикой смерти. Под поэтикой смерти здесь следует понимать как обстоятельства ухода из жизни (например, предсмертные слова), так и самое причину – убийство, самоубийство, болезнь. Скажем, чахотка и дуэль нанесли заметный урон русской поэзии XIX в., но все-таки в большинстве своем поэты умирали тогда по иным причинам, однако именно чахотка и дуэль, прерывающие краткую жизнь в самом ее расцвете, устойчивее всего ассоциируются с назначенной поэту судьбой. Порой такое стилистическое единство достигается более или менее сознательно (особенно при самоубийстве), а порой возникает позднее, в процессе сложения биографической легенды.

Достаточно характерный пример – самоудушение посредством задержки дыхания. Если судить по биографическому сборнику добросовестного компилятора Диогена Лаэртского, к такому способу самоубийства прибегли стоик Зенон (Diog. La. VII. 28–29), киник Диоген (ibid. VI. 76–77) и еще один, менее знаменитый, киник Метрокл (ibid. VI. 95) – представители самых, так сказать, «самоубийственных» школ, введшие в употребление едва ли не труднейший из реально существующих способов самоубийства, голодовку (καρτερία). Смерть Зенона описана у Диогена Лаэртского довольно наглядно: он был уже стар, шел с занятий в своей Стое, упал, задохнулся и умер, якобы успев предупредить Плутона о скором приходе. По описанию эта смерть похожа на смерть от сердечного приступа, обычно сопровождающегося удушьем, нередко позволяющим, однако, произнести несколько слов, а то и вызвать по телефону врача, – остальное явно доработано преданием. Убить себя, задержав дыхание, невозможно физически: нехватка воздуха приводит если не к обмороку, то к затуманиванию сознания, воля вытесняется инстинктом – и происходит произвольный вдох. Вероятно, легенда о самоудушении возникла в связи с Зеноном, так как о смерти Диогена есть и другие легенды (то ли он отравился сырым осьминогом, то ли заразился холерой, то ли псы его покусали), которые сообщает тот же Диоген Лаэртский, в смерть от самоудушения не верящий, как не верил ей уже Антисфен, считавший самоубийство вымыслом учеников (ibid. 77). Зенон, напротив, умер рядом со Стоей, скоропостижно, на глазах у людей, слышавших его последние слова.

* Благодарю за поддержку Wellcome Trust Centre for the History of Medicine, щедро предоставивший мне возможность работать в своей лондонской библиотеке.

Другие – пусть не всегда можно сказать, какие именно – самоубийства тоже наверняка относятся к биографическим мифам (ясно, например, что неизбежное при многих болезнях истощение в случае смерти стойка или киника могло пониматься как *καρτερία*), но сами по себе такие самоубийства были возможны: кто-то кидался в пропасть, кто-то морил себя голодом, принимал яд, резал жилы. А от добровольной задержки дыхания никто не умирал и умереть не мог, но так как эти легенды были формой осмысления скоропостижной естественной смерти (Зенон, Диоген и Метрокл умерли в старости), описание картины смерти оказывалось правдоподобно: почти наверняка Зенон и вправду упал, задохнулся, что-то прошептал и умер. Или вот легенда о смерти Аристотеля, якобы отравившегося аконитом, как сообщает биограф Евмел (Diog. La. V. 7), хотя Диоген Лаэртский и этой легенде не верит и чуть ниже со ссылками на других биографов сообщает, что Аристотель умер от естественных причин и что у него многие годы болел живот (V. 10, 16) – применительно к нашей проблеме тут важно лишь то, что при создании легенды биограф предпочел именно самоубийство с помощью яда, а такая смерть внешне похожа на смерть от желудочной болезни, которой Аристотель несомненно страдал и от каких-то последствий которой, вероятно, умер. Иначе говоря, если смерть легендарного исторического деятеля объясняется неправдоподобными причинами, отсюда вовсе не следует, что картина смерти столь же неправдоподобна. Это хорошо знали и сами древние: так, исчезновение Эмпедокла его приверженцы объясняли апофеозом, но очень многие были уверены, что он имитировал апофеоз, бросившись в кратер Этны, или что он просто уехал в Пелопоннес, где и умер (Diog. La. VIII. 67–72) – а в итоге есть все основания верить, что мертвого Эмпедокла и вправду никто не видел и что скорей всего он сам о том позаботился.

Потому-то интересно разобраться в еще одной смерти, которой иногда умирали великие люди классической древности – во вшивой болезни (*morbus pedicularis*), вернее сказать, во фтириазисе *φθειρίασις*, *phthiriasis*): римские писатели обычно использовали это слово без перевода, а иногда и без транслитерации, так как языком медицины был тогда греческий язык (cf. Plin. NH. XXIX. 17). От фтириазиса умер Сулла, и подробный рассказ о его смерти есть у Плутарха – вот с небольшими купюрами этот фрагмент, главный источник сведений об интересующем нас предмете (Plut. Sulla. 36–37. Пер. В.М. Смирин):

«(36) ...Все это (пьянство в компании актеров. – *Е.Р.*) питало болезнь Суллы, которая долгое время не давала о себе знать – он вначале и не подозревал, что внутренности его поражены язвами. От этого вся его плоть сгнила, превратившись во вшей, и хотя их обирали день и ночь (чем были заняты многие прислужники), все-таки удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появлявшихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда оказывались запакощены этой пагубой, этим неиссякаемым потоком – вот до чего дошло. По многу раз на дно погружался он в воду, обмывая и очищая свое тело. Но ничто не помогало. Справиться с перерождением из-за быстроты его было невозможно, и тьма насекомых делала тщетными все средства и старания. Говорят, что в далекой древности вшивая болезнь погубила Акаста, сына Пелия (букв. *φθειρίασαντα τελετήσαν*. – *Е.Р.*), а позднее поэта и певца Алкмана, богослова Ферекида, Каллисфена Олинфского, брошенного в темницу, а также юриста Муция. Если сюда добавить и тех, кто не прославился ничем полезным, но все же приобрел известность, то

упомянем и беглого раба по имени Эви, который начал рабскую войну в Сицилии; пойманный и привезенный в Рим, он умер от вшивой болезни.

(37) Сулла не только предчувствовал свою кончину, но даже писал о ней. За два дня до смерти он завершил двадцать вторую книгу Воспоминаний, где говорит, будто халдеи предсказали ему, что, прожив прекрасную жизнь, он умрет на вершине счастья. Там же Сулла рассказывает, будто ему явился во сне его сын [...] он, стоя у ложа, просил отца [...] уйти с ним. Однако Сулла не оставил занятий государственными делами. Так, за десять дней до кончины он установил в Дикеархии мир между враждовавшими сторонами и на будущее написал для жителей закон об управлении городом. А за день до кончины ему стало известно, что Граний [...] не возвращает казне денег [...] Сулла вызвал его и [...] велел удавить. От крика и судорог у Суллы прорвался гнойник, и его обильно вырвало кровью. После этого силы покинули его и, проведя тяжелую ночь, он умер».

Сама по себе всра в самозарождение вшей и других паразитов вполне традиционна и жива донныне, но тогда и симбиоз их с человеком расценивается как естественный и в общем-то безопасный (в начале прошлого века в псковской деревне болезнью считалось как раз отсутствие вшей, и молодые земские врачи нередко слышали, что «от больного и вошь бежит»). В классической древности, однако, проблема вшивости, судя по всему, не была особенно актуальна то ли из-за развитых гигиенических привычек, то ли из-за просторной и почти без швов одежды – так или иначе, даже в инвективах вши почти не упоминаются. Небольшая главка о вшивости есть в обширном сочинении Галена о приготовлении лекарственных средств (*De composit. med.* XII. 462–463), но там говорится только о головных вшах, чье появление объясняется неправильной циркуляцией соков – при этом автор высказывает традиционную идею, что паразиты плодятся под кожей, и затем сообщает, какими (уже существующими) мазями их следует выводить, так что все это не указывает на серьезность заболевания, скорее наоборот. В общем фатальный фтириазис остается достоянием биографического предания, из которого можно узнать, что 1) то была не обычная вшивость, но неизлечимая смертельная болезнь, 2) от которой умер Сулла, 3) а также аргонавт Акаст, поэт Алкман, философы Ферекид, Платон и Спевсилл, историограф Александра Каллисфен Олинфский, мятежный раб Эви и юрист Муций – то ли Публий Муций Сцевола, консул 133 г. до н.э., то ли его двоюродный брат Квинт, консул 117 г., так как оба они были видными правоведами и не раз поэтому упоминаются у Цицерона.

О вшивости Ферекида и Алкмана писал уже Аристотель (*Hist. Anim.* V. 557 а 3; cf. *Frg.* 611), Плутарх в связи с Суллой добавил к этому перечню Акаста, Каллисфена, Эви и Сцеволу, а Диоген Лаэртский – Платона (Ш. 40) и Спевсилпа (IV. 4), но Спевсилпа со ссылкой на Плутарха (видимо, по памяти или по какому-то рукописному варианту), а Платона без уверенности, на основании неясных намеков, полученных из вторых рук. Об ужасной смерти Суллы сообщает, конечно, не только Плутарх (см. ниже), но в целом – пусть многие тексты утрачены безвозвратно – само по себе внимание к фтириазису присуще в основном имперской, т.е. относительно поздней, эпохе. При этом, однако, хотя перечень жертв фтириазиса имеет явную тенденцию к росту, последней по времени его жертвой всегда остается Сулла. В научной литературе фтириазис исследуется почти исключительно в связи с Суллой и не слишком часто, так что ниже приводится более или менее исчерпывающая *история вопроса* – при том, что ка-

кая-то работа могла, разумеется, ускользнуть от моего внимания и от внимания других исследователей фатальной вшивости.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Присущее XX веку любопытство к чужим болезням естественно породило интерес к недугам знаменитостей: так, в замечательной историко-медицинской Wellcome Library в Лондоне имеется обширный отдел под названием Famous Patients, где можно узнать, что Бальзак, например, чуть ли не всю жизнь был гипертоником, от того и умер. Но Бальзак жил не слишком давно и лечился у образованных специалистов, а иные знаменитости умерли бог знает когда и бог знает от чего – однако же и им не отказано в посмертном диагнозе. Скажем, в книжке Джона Ра о смертях английских королей не только сообщается, какой король от какой болезни скончался, но шесть смертей объясняются последствиями сифилиса – включая Эдуарда III и Генриха IV, живших до открытия Америки¹. Сходная по структуре работа Клиффорда Брюэра трактует предмет осторожнее, предлагая только «вероятную причину» (probable cause) смерти того или иного короля – при том, что многие болезни раньше не были известны, как прободение язвы двенадцатиперстной кишки, от которого якобы умер Генрих I². Такие реконструкции гораздо основательнее, но цель их все та же – посмертный диагноз, который в случае Генриха I кажется чересчур точным.

Смерть Суллы – не исключение. Иные новоевропейские историки (в том числе Мишле) принимали фатальный фтириазис как данность, не вникая в его неправдоподобность³, а иные ввиду этой неправдоподобности все сведения о фатальном фтириазисе отвергали, и в их числе сам Моммзен⁴, так что недоверчивые победили⁵, и в результате в одной из самых солидных работ о Сулле, в монографии Каркопино, рассказы о смерти Суллы от фтириазиса достоверными не признаются категорически⁶. Правда, одновременно с Каркопино В. Нестле в одной из статей заметил, что вшивая болезнь занимательна уже тем, что от нее умерло много знаменитых людей, но проблему реальности фтириазиса он не рассматривал, считая его одним из легендарных наказаний за кощунство – как безумие, судорожные припадки и пр.⁷, хотя это неверно, потому что почти все жертвы вшивости были людьми безвредными.

Некоторое оживление интереса к фтириазису вообще и к смерти Суллы в частности произошло после Второй мировой войны, отчасти в связи с возникшей тогда теорией, что сифилис не завезен из Америки, а существовал в Старом Свете всегда. Так явилась работа Т. Карни, в которой смерть Суллы объ-

¹ Rae J. The Deaths of the Kings of England. L., 1913. P. 6–7.

² Brewer Cl. The Death of Kings. L., 2000. P. 253.

³ Michelet J. Histoire romaine: République. P., 1831. P. 439.

⁴ Mommsen Th. Römische Geschichte. Buch 4. Bd 2. V., 1874. S. 375. При этом роскошные похороны Суллы Моммзен описывает подробно (в основном пересказывая Плутарха), да и вообще Сулле симпатизирует, а смерть его считает счастливой, т.е. своевременной, потому что дальше все пошло бы хуже.

⁵ См., например, Ihne W. History of Rome. V. 5. L., 1882. P. 448–449.

⁶ Carcopino J. Sylla ou la monarchie manquée. P., 1931. P. 216–217. Характерны в этом смысле сведения о смерти Суллы, предоставляемые двумя французскими биографическими словарями, «старым» и «новым». У Дезобри и Башле Сулла умирает от вшивой болезни (maladie pédiculaire), явившейся плодом распущенности, т.е. «по Плутарху» (Dezobry Ch., Bachelet Th. Dictionnaire général de biographie et d'histoire. P., 1863. P. 2567; Sylla); у Грималья Сулла умирает в припадке гнева, что не противоречит Плутарху, но, так сказать, исправленному (Grimal P. Dictionnaire des biographies. T. 2. P., 1958. P. 1400; Sulla).

⁷ Nestle W. Legenden von Tod der Gottesverächter // Arch. f. relig. Wissensch. 1936. 33. S. 246–269.

яснялась именно сифилисом⁸, хотя к тому времени почти все историки медицины успели снова согласиться, что сифилис был завезен в Европу из Америки⁹, – другое дело, что, как мы уже видели, искушение приписать смерть знаменитого человека, хотя бы и Генриха Ланкастерского, именно сифилису легко побеждает любую историю медицины. И все-таки в случае Суллы главный вопрос был в том, что если и допустить, будто Сулла умер от сифилиса, при чем тут вши? И так, дальнейшее – не слишком живое – обсуждение проблемы основывалось на разумной предпосылке, что нужно не только объяснить, от какой болезни умер Сулла, но и как-то связать его смерть с пресловутым фтириазисом – иначе говоря, с вшивостью.

Один из лучших современных знатоков жизни и деятельности Суллы, Артур Кивени, уверен, что у Суллы в конце концов отказала печень, очень уж много он пил, а вообще-то следует помнить, что работал он до последнего дня, когда вышел скандал с Гранием, после которого и началась агония¹⁰. Но к вшивости злоупотребление алкоголем не приводит, и фтириазису Кивени находит другое объяснение – чесотку, *sarcoptes scabies*, которой Сулла якобы заразился в одном из походов задолго до смерти. Подробнее он пишет об этом в том же 1982 г., в совместной с Дж. Мэдденом статье: авторы перебирают весь перечень Плутарха, приводят (впервые в связи с Суллой!) фразу Аристотеля о смерти Алкмана и Ферекида, объясняют, что мысль Аристотеля о самозарождении вшей традиционна, об этом все паразитологи пишут¹¹, да только вши не живут в теле, они живут *на* теле, и заведомо известно, что умереть от вшивости нельзя¹². Кивени и Мэдден уверены, что Аристотель путает вшивость и чесотку, вызываемую едва видимыми глазу клещами, но так как от чесотки тоже умереть нельзя, значит, Алкман, Ферекид и прочие болели чем-то еще¹³, а Сулла страдал чесоткой и умер от вызванной пьянством острой печеночной недостаточности¹⁴. отождествление фтириазиса с чесоткой для многих оказалось убедительно: так, в недавней книге Вольфрама Лецнера о Сулле нет ни слова о вшах, а просто между делом сообщается, что перед смертью Сулла страдал чесоткой – *Krätze*¹⁵.

Другая работа того же урожайного 1982 года – статья Томаса Африки о «червивой смерти»¹⁶: по мнению Африки, в древности фтириазис был «вполне реальной, пусть и нечастой» болезнью со столь ужасными симптомами, что историки не могли не поддаваться искушению и не приписать «червивую смерть» дурным правителям (Антиоху Епифану, Сулле, Ироду, Галерию) – хотя ни одно из этих преданий не имеет надежного источника. Тут необходимо отметить, что Африка смешивает две традиции: традицию о фтириазисе, среди жертв которого тиран только один, Сулла, и традицию о злом царе, заживо съеденном

⁸ Carney T.F. The Death of Sulla // Acta Classica. Johannesburg, 1961. V. 4. P. 64–79.

⁹ См., например: Hawke H. A New Disease? // The Lancet. 1957. № 2. P. 285–286.

¹⁰ Keaveney A. Sulla. The Last Republican. London–Canberra, 1982. P. 211.

¹¹ Keaveney A., Madden J.A. Phthiriasis and its Victims // Symbolae Osloenses. 1982. V. 57. P. 87–99.

¹² Ibid. P. 88–89 («it is medically impossible to die of lice alone» – со ссылками на видных паразитологов).

¹³ Ibid. P. 89.

¹⁴ Ibid. P. 94.

¹⁵ Letzner W. Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie. Münster, 2000. S. 203.

¹⁶ Africa Th.W. Worms and the Death of the Kings: A Cautionary Note on Disease and History // CA. 1982. I. P. 1–17. Резюме этой статьи имеется у Марузо, но аббревиатура CA там не раскрыта, и идентифицировать издание не удалось даже с помощью библиографов Бриганской библиотеки; остается радоваться, что резюме написано достаточно внятно и обстоятельно – скорей всего, самим автором.

червями. И во втором случае если злодеем этого царя (скажем, Ирода) считают только некоторые (скажем, христиане), то и легенды о его превращении еще при жизни в пожираемого червями покойника циркулируют только в их среде – а ведь к Ферекиду, например, все писавшие о нем авторы относились с уважением, переходящим порой в благоговение, хотя ни одно из преданий о его смерти действительно не имеет надежного источника. Что же до Суллы, то если совсем не доверять свидетельству Плутарха (подтвержденному притом Плинием), проще вовсе отказаться от претензий, будто мы знаем о смерти – да и о жизни – Суллы что бы то ни было достоверное.

Наконец, самая новая из известных мне работ о фтириазисе – статья Л. Силлиерс и Ф. Ретифа о «синдроме Суллы»¹⁷. Авторы скрупулезно анализируют жизнь Суллы с медицинской точки зрения и находят у него немало болезней: и какое-то кожное раздражение на лице, и кратковременные проблемы с ногами, и паразитарное заражение – но все это не смертельно, разве что служит симптомами одной болезни, генерализованного туберкулезного процесса, хотя возможно, что умер Сулла от туберкулезного абсцесса, а на лице у него был рак... Не совсем ясно, какое отношение все это имеет к фтириазису, от которого умирали другие достойные или хотя бы известные люди, зато ясно, что и здесь ученые стараются доискаться до правды, каковой им видится более или менее удовлетворительный посмертный диагноз.

При всем разнообразии приведенных интерпретаций их можно свести к нескольким вполне здравомысленным утверждениям, возникающим в сознании каждого, кто имеет хотя бы поверхностные понятия о гигиене, а значит, о вшивости и сопряженных с нею опасностях. Итак, во-первых (и это главное!), быть заживо съеденным вшами нельзя, а значит Сулла, как и прочие жертвы фтириазиса, умер от чего-то другого; во-вторых, Сулла умер от тяжелой внутренней болезни, возникшей или всерьез обострившейся в последние месяцы (а то и недели) жизни, и прочие жертвы фтириазиса тоже умирали не от вшивости, а от каких-то иных причин. Со всем этим не поспоришь, но раз так, можно лишь удивиться настойчивым попыткам заменить фтириазис чесоткой, которая ничуть не смертельнее вшивости и ничего, стало быть, не объясняет. Не кажутся целесообразными и попытки выяснить (а вернее, угадать), какая именно внутренняя болезнь погубила Суллу, потому что тут любая гипотеза не только остается шаткой, но (и это опять-таки главное!) совершенно не помогает понять, что же такое смертельная вшивость, коль скоро на самом деле – и в этом согласны практически все исследователи – такой болезни попросту не существует. Да и что же это за болезнь, которой болеют одни знаменитости? А если бы ею – пусть нечасто – болели обыкновенные люди, мы знали бы о ней гораздо больше не только от древних авторов (от того же Галена), но и от современных, потому что вшивость во всех ее видах угрожает людям по-прежнему.

ДРЕВНИЕ АВТОРЫ О ФТИРИАЗИСЕ

Первое упоминание о смерти от фтириазиса (хотя без слова φθειρίασις) сохранилось, как сказано, у Аристотеля, который пишет в *Historia animalium* (V, 557 a 3), что вшивость является следствием избытка в теле влаги (ὕγρασία πολλή ἐν τῷ σώματι) и что вши кое-кого погубили, а именно, как говорят, поэта Алкмана и Ферскида Сиросского (καὶ διεφθάρασαν τινες ἤδη τοῦτον τὸν

¹⁷ Cilliers L., Retiff F.P. The Sulla Syndrome // *Acta Classica*. Johannesburg, 2000. V. 43. P. 33–43.

τρόπον ὄσπερ Ἀλκμᾶνα τέ φασι τὸν λοιπὴν καὶ Φερεκίδην τὸν Σύριον) – да и вообще при некоторых болезнях вшей является множество (ἐν νόσοις δὲ τισὶ γίνεται πλῆθος φθειρῶν). Отсюда следует, что то ли в известном Аристотелю предании Алкман и Ферекид страдали еще и водянкой, то ли в такую связь верит сам Аристотель, раз упоминает, пусть вскользь, о приводящих к вшивости болезнях, хотя и не назвав ни одной. Ассоциация вшивости с излишней влагой была устойчивой, то же самое утверждает и Гален, а потому мази рекомендует сушащие (De comp. med., loc. cit.), но о приводящих к вшивости болезнях медицина – как древняя, так и современная – молчит. Зато утверждение о *некоторых болезнях* – собственное утверждение Аристотеля и заслуживает внимания уже потому, что Аристотель предпочитал достоверные факты, а наличие у больного вшей проверить легко. Тут нельзя не заметить, что если при работе с источниками повезет иметь среди них текст Аристотеля, он обычно и оказывается самым полезным – то же и здесь, так что к краткому замечанию о смерти Алкмана и Ферекида мы еще вернемся.

Более поздние свидетельства можно условно разделить на две категории – относящиеся к Сулле и относящиеся к другим лицам. Свидетельство Плутарха, который, единственный из всех, пусть подробно описывая только смерть Суллы, сообщает в этой связи целый перечень жертв фтириазиса, полностью приведено во *Введении*. Почти в одно время с Плутархом о смерти Суллы кратко сообщает в «Естественной истории» Плиний Старший: «Диктатор Сулла был пожран фтириазисом, когда из самой крови человеческой рождаются гложущие тело твари» (Phthiriasi Sulla dictator consumptus est, nascuntur in sanguine ipso hominis animalia exesura corpus – NH. XXVI. 138; cf. VII. 134; 137 – что Сулла был жесток, но его смерть оказалась даже более жестокой). Еще прямее связывает фтириазис Суллы с его злодеяниями Павсаний примерно столетием позже: фтириазис послан Сулле в наказание за учиненные им в Афинах злодеяния (Paus. I. 20. 7). Однако Валерий Максим, живший раньше Плутарха, тоже писал о смерти Суллы (Val. Max. IX. 3. 8), и у него тот умирает, как и у Плутарха, после скандала с Граннем, но в результате какого-то спазма (convulso pectore spiritum cruore ac minis mixtum evomit), а о вшах ни слова, хотя к Сулле Максим относится с откровенной антипатией – в отличие от Плутарха, видящего в диктаторе смещение добрых и дурных черт. В «Гражданских войнах» Аппиана (II век) Сулла умирает и вовсе почти красиво: видит во сне призывающего его гения, наутро пишет завещание, к вечеру у него начинается лихорадка, и ночью он умирает (Bell. Civ. I. 105). Представляется, что предание о смерти Суллы имело две версии: в одной (главной) он умирал от фтириазиса, а в другой просто умирал – то ли благородно, после вещего сна, то ли неблагородно, от злости, но от каких-то (все равно каких) обычных причин.

Другая группа свидетельств касается смертельного фтириазиса разных лиц, старший из которых – аргонавт Акаст, а младший – юрист Сцевола, тоже, однако, живший до Суллы. Первое такое известие принадлежит Аристотелю и приведено выше, следующее – перечень Плутарха в биографии Суллы, остальные тоже в основном в биографиях. С неуклонным постоянством фтириазис приписывается только Ферекиду: хотя Диоген Лаэртский, например, сообщает четыре предания о его смерти (еще два о смерти от естественных причин и одно о самоубийстве – Diog. La. I. 118), сам он откровенно предпочитает версию фтириазиса (ibid. 120–122), а для некоторых авторов она остается единственной, как для Клавдия Элиана (Var. Hist. IV. 28) и для Порфирия (Vita Pyth. 55), так что в

традиции несомненно доминирует – и вряд ли только благодаря общепризнанному авторитету Аристотеля, потому что доминирующее положение приобретает уже на фоне столь же общепризнанного авторитета Плутарха и возрастания «биографической привлекательности» фтириазиса, что очевидным образом связано с жизнеописанием Суллы.

В перечне Плутарха кроме названных уже у Аристотеля Ферекида и Алкмана имеется несколько лиц, больше нигде в связи с фтириазисом не упоминаемых: аргонавт Акаст, историк Каллисфен, мятежник Евн и юрист Сцевола. Акаста как персонажа мифического сразу можно было бы вынести за скобки, но нельзя при этом не отметить, что герои обычно умирают не от болезней, а бывают убиты (скажем, у Аполлодора Акаста убивает Пелей – *Bibl. III. 13. 1–3*) либо в кого-нибудь или во что-нибудь превращаются, и т.д. – в общем, присутствие Акаста в перечне уже и само по себе несколько странно. Каллисфен и Евн умерли после долгого содержания в темнице, где несомненно страдали от вшей, – но сведения о причинах смерти Каллисфена разноречивы¹⁸, а о причинах смерти Евна недостаточны¹⁹. Что касается не полностью идентифицированного «юриста Муция», единственного римлянина этого перечня, известно, что как П. Муций Сцевола, так и его кузен Квинт умерли в пожилом или преклонном возрасте и естественной смертью, а о причинах ее говорит, не называя своего источника, только Плутарх.

Теперь о добавлениях Диогена Лаэртского. О фтириазисе Спевсиппа он сообщает, как сказано, со ссылкой на Плутарха, а у Плутарха Спевсипп не назван – то ли это ошибка памяти самого Диогена, то ли он использовал какой-то испорченный текст. Предположить вшивость Платона его заставляет Мирониан (II век), сообщающий в не дошедших до нас «Исторических сравнениях», что у Филона есть какие-то шуточки о Платоне и вшах. После ложной отсылки к Плутарху такое обоснование и вообще выглядит шатко, а тем более если помнить, что сам Диоген Филона не читал (как и мы) и что из текста нельзя даже уяснить, о каком именно Филоне тут речь, – при том, что шутка, содержащая упоминание о вшах, отнюдь не предполагает, будто вышучиваемый был этими вшами съеден. Очевидно, однако, что Диоген был склонен к расширению списка жертв фтириазиса и что к этому же был склонен Мирониан, т.е. такова была, как уже говорилось, общая тенденция.

Отношение древних авторов к фтириазису различно. Павсаний и Клавдий Элиан считают вшивую болезнь наказанием за кощунство, однако Павсаний говорит о действительно имевшем место разграблении Суллой греческих (в

¹⁸ О смерти Каллисфена Арриан сообщает (со ссылками соответственно на Аристобула и Птолемея), что то ли тот содержался в оковах в клетке, где в конце кошцов и умер, то ли был повешен (*Arr. IV. 14. 3*); у Плутарха (без ссылок) содержатся обе эти версии, а также сообщается (со ссылкой на Харета), что Каллисфен семь месяцев в оковах ожидал суда и, не дождавшись, умер от ожирения и фтириазиса (*Alex. 55*); наконец Диоген Лаэртский сообщает, что Каллисфена бросили львам (*V. 5*). В общем, причина смерти историографа Александра остается спорной, однако Плутарх больше доверяет Харету и не зря: тот был одним из первых историков похода Александра, и его свидетельство (как и сходное, нусть без подробностей, свидетельство Аристобула) во всех отношениях правдоподобнее прочих. Но у Харета вшивость равноценна ожирению: он сообщает, в сущности, не о прямой причине смерти Каллисфена, а о его очень плохом (из-за грязи и неподвижности) физическом состоянии, когда к смерти может привести любое недомогание.

¹⁹ О Евне вообще мало надежных сведений, так как поздние книги Ливия сохранились лишь в пересказах: там кратко упоминается о роли Евна в мятеже и о разгроме восстания Рупилием (*Liv. Epit. 56, 59*), но о судьбе вожаков восстания не говорится; правда, из менее надежных источников следует, что Евн умер в тюрьме (*Diod. Sic. Frg. 34; Flor. II. 7*).

частности, афинских) святилищ, а у Элиана Ферекид выказывает неуважение Аполлону, который его и карает (Var. Hist. IV, 28), – это расходится с традиционным представлением об учителе Пифагора и могло быть домыслено самим Элианом, но в данном случае важнее, что два образованных представителя Второй софистики считают фтириазис не обычной болезнью, а карой за нечестие. Плутарх тоже приписывает омерзительный недуг Суллы его развращенности, а вот является ли фтириазис следствием развращенности всегда или только в данном случае – этого он не оговаривает и никак на это не намекает. Ждать от читателя, что тот своим умом дойдет, за какие провинности был наказан Алкман или Сцевола, Плутарх не мог, а значит, прямой связи между фтириазисом и порочностью не видел. У Диогена Лаэртского фтириазис с порочностью не ассоциируется, у Порфирия тем более. В общем, в отличие от заживо сожранных червями жестоких царей, жертвы фтириазиса оказываются объединены не злонравием или хотя бы изнеженностью, но лишь известностью – все они, хорошие и плохие, несомненно относятся к категории *viri illustres*, а там уж все равно, знаменитый ли это философ, или мятежный раб, или римский правед, а то и вовсе участник сказочного похода в Колхиду.

«ВШИВАЯ БОЛЕЗНЬ»

Распространившаяся в последние десятилетия тенденция не считать фтириазис чем-то вымышленным, но корректировать его этиологию, исправляя в основном в чесотку, кажется такой же неосновательной, как и сопутствующая тенденция объединять жертвы фтириазиса с теми, кого заживо съели черви. Естественно ставить под сомнение диагнозы, которые не могли быть точными прежде позднейших открытий, позволивших различать несходные болезни со сходной симптоматикой, но это касается главным образом болезней инфекционных и/или внутренних – другое дело, что данных, необходимых для уточнения древних диагнозов с помощью современной науки, обычно уже нет в наличии. Но когда речь идет о сломанной ключице Филиппа Македонского или о простуде его юного сына, искупавшегося в жару в горной реке, проверять попросту нечего – тут для диагнозов никакие технологические достижения не требуются. Не требуются они и для того, чтобы различать вшивость и чесотку, которые всегда умели различать (а обычно и лечить) не только врачи, но и люди без всякого образования. Вошь можно увидеть, а когда вшей много, их невозможно не увидеть – как невозможно перепутать вшивого с чесоточным на том основании, что оба страдают зудом. Опрос горожан, эвакуированных во время Второй мировой войны в лишенные привычных санитарных удобств местности, показал, что вшивостью и/или чесоткой страдали почти все (иногда и не по разу), но никто никогда не путал эти болезни, различные даже на вид, и все избавлялись от них (иногда и не по разу) без особого труда – куда труднее было не заразиться снова. Притом чесотка не смертельнее вшивости, а значит, эта надуманная гипотеза вдобавок ко всему совершенно бесполезна.

Вообще говоря, мы располагаем двумя версиями смерти Суллы: в соответствии с одной, он заболел и вскоре умер то ли от злости, то ли неизвестно от чего – так у Валерия Максима и Аппиана; в соответствии с другой, он дожил почти до шестидесяти лет здоровым, потом заболел и вскоре умер от фтириазиса – так у Плутарха и Плиния. Более пристальный анализ показывает, что версии эти не слишком противоречивы. У Валерия Максима описывается не болезнь Суллы, а его смерть от припадка гнева (пример ужасных последствий

злобного и вспыльчивого нрава), что вполне согласуется с рассказом Плутарха, у которого Сулла тоже умирает в припадке гнева. Аппиан о болезни Суллы вообще ничего не сообщает, а говорит лишь о его последнем дне (понял, что вот-вот умрет и действительно умер), что опять-таки в основном согласуется с рассказом Плутарха, у которого Сулла тоже видит сон, сознает, что дни его сочтены, и объявляет, что умрет счастливым, – а у Аппиана он именно и умирает счастливым. Это наводит на мысль, что Аппиан доверял мемуарам Суллы (о которых см. ниже) больше, чем Плутарх, хотя Плутарх тоже широко ими пользовался. И, наконец, у Плиния сказано, что причиной смерти Суллы был фтириазис, а о самом моменте смерти не говорится.

Таким образом, никто из древних авторов прямо не опровергает вшивость Суллы, хотя не все они сообщают о его смерти именно от этого недуга. О фтириазисе, однако, свидетельствуют среди прочих известные своей ученостью Плутарх и Плиний, притом что сведения о смерти Суллы были в их время не более давними, чем в наше время сведения о смерти, скажем, Фета или Чайковского, получаемые из различных и доступных сопоставлению источников. Отсюда разумно сделать вывод не только о том, что Сулла и вправду дожил до шестидесяти лет вполне здоровым человеком и что его предсмертная болезнь (или обострившаяся хроническая болезнь, ничем или почти ничем ему прежде не досаждавшая) длилась недолго, но также и о том, что перед смертью он действительно страдал вшивостью. Другое дело, что убить его эта вшивость не могла и даже навряд ли особенно усугубляла его недомогание: он ведь продолжал писать и принимал посетителей – да и скандал с Гранием, после которого наступила агония, начался как раз с такой вот ежедневной текучки, ибо диктатор после номинального ухода на покой по-прежнему ни на миг не выпускал из рук вожжи государственного управления.

Мы знаем от Плутарха, что вызываемый вшами зуд заставлял больного по нескольку раз в день принимать ванну, однако вода приносила лишь временное облегчение, что и понятно: от воды гибнут только вши, а гниды остаются, порождая новые множества вшей – поэтому мытье считается своего рода профилактикой вшивости, но не способом от нее избавиться. Нет оснований предполагать, будто сам Сулла и его присные – в том числе врачи – видели вшей там, где их не было, но напрашивается другой вопрос: почему они не вылечили больного, коль скоро средства к тому имелись? Сулла страдал от вшивости не день и не два, полумеры не помогали – как же вышло, что находившиеся при нем квалифицированные медики не избавили пациента, и так уже (неважно чем) больного, от кожных паразитов?

Однако же вот какой случай, происшедший не так давно, в первой трети прошлого века, описывает протоиерей Константин Ровинский, образованный москвич: «Старушка 92-х лет, впала в старческий маразм и так ослабела, что заболела редко наблюдавшейся *вшиевой болезнью*... Ослабленный болезнью организм как-то особенно привлекает этих паразитов... Больную каждый день обтирали денатуратом и меняли ей белье, но к вечеру паразиты появлялись снова...»²⁰. От вшей старушку избавила в конце концов лишь совместная молитва о Константине и родственниках, после чего она спокойно прожила еще несколько месяцев и «тихо скончалась». Найти другой подобный перл в современной литературе мне не довелось, но опросы показали, что в массовом сознании появление вшей действительно не так уж редко объясняется слабос-

²⁰ Ровинский К. Беседы старого священника. М., 1995. Гл. «О молитве», § 4.

тью, старостью или даже «тоской», что вызвано, конечно, прежде всего неискоренимой верой в способность паразитов к самозарождению, особенно в благоприятной среде, которую как раз и предоставляет ослабленный организм. При дальнейших расспросах всегда выясняется, что из-за слабости (старости, «тоски») больной не мылся или мылся очень редко, т.е. случайная паразитарная инфекция и вправду привела к вшивости в результате общего истощения, хотя и по более прозаической причине²¹. Когда слабость вызвана старостью или «тоской», проблема решается (если решается) применением средств, ненамного более радикальных, чем обычное мытье: скажем, для избавления от головных вшей иногда бывает достаточно наголо сбрить волосы – метод, к которому не колеблясь прибегает врач, но не сама «затосковавшая» бабка или ее родные. То же и со старушкой из воспоминаний Ровинского: ее ежедневно обтирали спиртом, и – в сочетании с ежедневной сменой белья – это в конце концов тоже помогло.

Избавиться от вшей легко, трудно избавиться от их яиц, гнид: воды они не боятся, держатся за свою жертву крепко и не всегда могут быть механически удалены. Гнид выводят, а вернее, травят средствами, которые будет вполне корректно назвать ядами и которые для гнид смертельны, но и человеку могут быть опасны – тут достаточно заметить, что рекомендованная Галеном мазь против головных вшей содержит мышьяк (Galen. De composit. med. XII. 463). Современные средства от вшивости непременно сопровождаются инструкцией, что и окно следует открыть, и респиратор лучше бы надеть, и упаси бог, чтобы не попало в глаз, в нос, в рот, в царапину на коже – и все это касается даже средств, предлагаемых для домашнего применения. Иначе говоря, чтобы выдержать лечение, вшивый пациент должен быть относительно крепок: недаром, хотя во времена Ровинского самым употребительным средством от вшивости был, как известно, керосин, старушку обтирали спиртом, испарения которого гораздо менее вредны, пусть и толку от него гораздо меньше.

Итак, с одной стороны, «при средней и большой пораженности рекомендует-ся использовать педикулициды», среди которых даже карбофос, а с другой стороны, «обработка педикулицидами детей до пяти лет, кормящих и беременных женщин, людей с поврежденной кожей (микротравмы, дерматиты, экземы и т.д.) запрещается» – это из официальной инструкции петербургского Госсанэпиднадзора²². Ясно, что у больного с поврежденной кожей предназначенный для истребления паразитов яд впитается прямо в кровь и отравит пациента едва ли не раньше, чем этих самых паразитов, а стало быть, избавление от инфекции у такого пациента откладывается до излечения от основного заболевания и может оказаться долгим или очень долгим – а в итоге его могут и не успеть вылечить от вшивости, так что он умрет вшивым, хотя причиной смерти будет иная болезнь. Основной диагноз, однако, часто бывает спорным либо вовсе отсутствует, и в таких случаях причиной или одной из причин смерти вполне могут считаться вши. Конечно, подобное было маловероятно там, где вшивость была повальной и болезнью не считалась – будь то псковская деревня или версальский двор, – но, например, юрист Муций (все равно, старший или младший) жил в отличных гигиенических условиях, и теоретически допустимо, что, заразившись

²¹ Благодарю профессора Л.М. Кукуя за ценные медицинские консультации и за помощь в розыске необходимых документов (см. прим. 22).

²² Распоряжение от 9 апреля 1999 г. № 63-р/8. Об усилении мероприятий по профилактике эпидемического сыпного тифа и педикулеза. Приложение 6.

вшами и будучи уже болен, он не успел избавиться от паразитов в оставшееся ему время, а значит, умер вшивым. Не хочу утверждать, что так оно и было, но так могло быть и кто-то несомненно так умирал – и если покойный был человеком известным, в рассказы (а то и в предания) о его смерти могла попасть такая вот необычная подробность.

В этом смысле утверждение Аристотеля о *некоторых болезнях*, способствующих появлению вшей, совершенно адекватно: легенды о смерти Алкмана и Ферекида он, разумеется, получил готовыми, а отнесся к ним с известным доверием потому, что некоторые больные, как он знал, и вправду умирали вшивыми. Следует подчеркнуть: уже Аристотель ясно понимал, что причиной смерти была не собственно вшивость, а некая способствующая вшивости болезнь, так как рассказ о смертельной вшивости Алкмана и Ферекида он указанием на *некоторые болезни*, в сущности, дезавуирует, не опровергая лишь самую возможность умереть вшивым и верно определяя эту вшивость как своего рода следствие болезни. Другое дело, что Аристотель вместе со всеми верил в способность паразитов к самозарождению, а потому и вшивость приписывал общему состоянию организма при *некоторых болезнях*, в основном связанных с отечностью, т.е. действительно опасных и притом ухудшающих состояние кожи.

Старушка из воспоминаний Ровинского страдала обычным педикулезом, борьбе с ним же посвящена цитированная инструкция санэпиднадзора и, наконец, в дискуссиях о болезни Суллы тоже имплицитно предполагается, что у него был обычный педикулез. Однако, если доверять единственному имеющемуся описанию, а именно свидетельству Плутарха, Сулла страдал от несколько иной разновидности вшей – от так называемых площади. Площадки, или лобковые вши (*phthirius inguinalis, sive rubis*) паразитируют на покрытых волосами участках тела и при этом почти вдвое мельче головных вшей, так что их труднее обнаружить и нередко болезнь осознается, когда зашла достаточно далеко, паразиты успели отложить яйца и лечиться нужно всерьез. Возникающие от площади поражения кожи опаснее, а едкие мази труднее для применения из-за близости подмышечных и паховых желез. Заражение этим видом вшей происходит в результате интимного контакта либо из-за спанья в одной постели. Мало того, площади могут поселиться не только в паху и под мышками, но и на бровях и даже на ресницах, т.е. в местах, где вывести их обычными средствами невозможно. Если головная и платяная вшивость в медицине обычно именуется латинским словом педикулез, то фтириазисом до сих пор называется лобковый педикулез, и всякий, кто наберет в Yandex'e *phthiriasis*, увидит жуткое фото из Dr. Dubin's collection: пятилетняя девочка с фтириазисом ресниц, который никак не вылечить, потому что лечение едва ли не опаснее самой болезни.

Можно с большой уверенностью утверждать, что у Суллы были именно лобковые вши, так что недаром увековеченное Плутархом общее мнение объясняло его недуг развратным поведением: обычная вшивость никогда и нигде с безнравственностью не ассоциируется, зато лобковая – всюду и всегда. Сулла, как известно, смолodu любил проводить время с актерами, а уйдя на покой и так избавившись если не от власти, то от официальных обязанностей, стал чуть ли не ежедневно пировать в театральной компании. Нравы в этой среде были, конечно, не очень твердые, но куда важнее, что пиршественные ложа позволяли заразиться вшами от любого соседа – а актеры по самому роду своей профессии волей-неволей часто ночевали в заведомо грязных гостиничных кроватях. В общем, Сулле, чтобы заразиться фтириазисом, довольно было оказаться на пиру

рядом с кем-то, кто привез с гастролей лобковую вошь – другое дело, что пирюшки с актерами все равно считались бесспорным признаком развращенности, хотя бы общение и оставалось словесным.

Есть и другие доводы в пользу того, что Сулла страдал именно лобковым педикулезом. Он брил бороду и коротко стригся – и цирюльник никак не может не заметить головных вшей, а площади заметить ему негде. Банщик тоже их скорее всего не заметит, так как паховая и подмышечная области в зону массажа не входят. Конечно, любые вши вызывают зуд, и зуд должен был заметить сам Сулла, но он к тому времени переболел (или даже хронически страдал) каким-то дерматитом, из-за которого все лицо его было таким красным, что островки здоровой кожи казались белыми пятнами: это никак не вредило ни его здоровью, ни даже неизменному успеху у дам, однако первые симптомы фтириаза легко было принять за обострение (или рецидив) прежнего кожного раздражения, тем более что из-за укусов вшей оно и вправду могло обостриться²³. А тогда диагноз мог сделаться ясен, лишь когда вши расплодились и на коже появились серьезные повреждения, – но ведь как раз в это время Сулла был уже болен какой-то тяжелой внутренней болезнью, то есть радикальное лечение следовало отложить до лучших времен, а пока по мере сил облегчать страдания классическим средством, водой. Так Сулла и делал и чувствовал себя неплохо, раз читал, писал и занимался государственными делами. Однако его неведомая основная болезнь прогрессировала, и не замечать этого он тоже не мог, так что готовился к смерти и умереть собирался счастливым – об этом, по свидетельству Плутарха, он сам писал в своих воспоминаниях (*Sulla*. 37).

РОЖДЕНИЕ ПРЕДАНИЯ

Сулла был римлянин, патриций и военный, а значит, все в его воспитании, образовании и жизненном опыте способствовало подавлению страха смерти и поощрению заботы об ее пристойности, да вдобавок он притязал на счастье, т.е. на особый статус избранника богов. Навряд ли вшивость могла поколебать его веру в собственную исключительность, но навряд ли стоило сомневаться, что этот недуг окажется так или иначе ассоциирован с неприглядным поведением – позднейшие ассоциации подобного рода приводились выше, а слишком многие современники относились к Сулле ничуть не лучше Плиния

²³ Плутарх сообщает, что лицо Суллы было густо покрыто сыпью и что афиняне его этим дразнили (*Plut. Sulla*. 2), причем в жизнеописании эта сыпь причисляется к неизменным (как голубые глаза) и чуть ли не семейным чертам Суллы (*ibid.*). Оставаясь на позициях доверия к тексту, следует, однако, заметить, что единственным источником сведений о сыпи на лице Суллы названа у Плутарха афинская дразнилка. Силлиерс и Ретиф считают, что сыпь на лице – «abnormal facial complexion» – была у Суллы только в 86 году, во время битвы за Афины, так как все его последующее поведение не согласуется с каким-либо существенным внешним изъяном (*Cilliers, François*. *Op. cit.* P. 33–34: сыпь авторы относят к признакам исследуемого ими «синдрома»), но все это лишь догадки. Вернее будет сказать, что в Афинах у Суллы наверняка была на лице какая-то сыпь, а в юности этой сыпи у него почти наверняка не было, так как это повредило бы карьере, началу которой помогал успех у дам, еще не видевших в молодом Корнелии великого человека, чью наружность никакая сыпь испортить не может. В Греции Сулла и вообще, видимо, чувствовал себя неважно: у него началась подагра (или нечто, принятое за подагру) и он даже лечился водами (*Plut. Sulla*. 26) – судя по всему, успешно. Но так или иначе, а каким-то дерматитом он переболел, и любое кожное раздражение естественнее всего было поначалу принято за обострение или рецидив знакомого заболевания – как, например, любую новую боль в ногах непременно приписали бы подагре, раз уж такой диагноз был Сулле когда-то поставлен.

или Павсания. Иначе говоря, раз уж Сулла умирал вшивым, следовало как-то примирить этот факт с его харизмой – придать смерти диктатора пристойность, которой она по видимости была лишена, и так поддержать его посмертную репутацию. Этот конфликт чаемого (счастья) и сущего (вшивости) ненадолго возник лишь в 78 г. до н.э., потому что до того Сулла был здоров, а вскоре явились более актуальные темы для пересудов.

Одним из способов создания репутации является, как известно, писание мемуаров, и в Риме сочинение разного рода «записок» было для политиков делом привычным. Сулла тоже оставил после себя воспоминания, к которым позднейшие историки относились с доверием – Плутарх и Аппиан нередко на них ссылаются. Записки эти были своего рода пространной (в двадцати с лишним книгах) автобиографией, и автор нередко рассказывал среди прочего о сверхъестественных подтверждениях своего избранничества – Плутарх обычно передает соответствующие эпизоды со ссылкой именно на записки Суллы. При этом современники и потомки относились к Сулле очень по-разному, так что допустимо говорить о двух историко-биографических традициях: в одной Сулла был любимцем богов и спасителем республики, в другой – кровожадным нечестивцем. Создателем первой версии предания был прежде всего сам Сулла, главный пропагандист своего счастья, хотя конечно его ближайшее окружение поддерживало и распространяло эту пропаганду – то была (и осталась) в полном смысле слова *traditio prosullana*. Что до второй традиции, нелишне заметить, что уже при жизни Суллы к нему питали неприязнь не только политические противники, но и многие консерваторы (скажем, Цицерон): проскрипции, бессрочная и незаконная власть, вообще вся фактура нового режима могла вызвать и вызывала острый протест – назовем эту традицию *traditio contrisullana*.

Жившие после Суллы авторы обычно примыкали к одной из этих двух традиций (скажем, Валерий Максим явно был «против» Суллы, а Аппиан столь же явно «за»), и только у Плутарха оказались отражены обе версии: Плутарх с доверием ссылается на записки Суллы и тут же рассказывает о таких его злодеяниях, сведения о которых мог почерпнуть лишь из контрсулланского предания. Само по себе это лишь подтверждает уникальность Плутарха как биографа, однако в рамках данного исследования естественно возникает вопрос, какой из традиций принадлежит описание смерти Суллы. Рассказ этот можно разделить по крайней мере на три части: 1) – описание предсмертной болезни Суллы – фтириазиса, 2) – описание смерти – вещий сон, убийство Грания, смерть, 3) – погребение. Ясно, что подробности гниения плоти и тем более ассоциация вшивости с развращенностью почерпнуты из контрсулланского предания, зато описание похорон несомненно просулланское – скорбь женщин, горы благовоний и во-время подувший ветер как последняя удача Суллы. А вот рассказ о последнем дне диктатора не столь однороден: вещий сон явно восходит к просулланской версии (недаром о нем рассказывает и Аппиан), а убийство Грания – к контрсулланской (недаром его описывает Валерий Максим), но и у Плутарха Сулла умирает в результате скандала, так что смерть его не лучше болезни, а в общем у Плутарха он умирает, как злодей.

Итак, в последних трех главах биографии наблюдается некая чересполосица: Сулла сам повинен в своем ужасном недуге, но переносит его достойно (пишет воспоминания, видит вещий сон, примиряет граждан Дикеархии), но как раз из-за государственных его занятий случается тот самый конфликт с Гранием. Именно эта чересполосица вместе с присущей Плутарху гармоничной

связностью и создает ощущение подлинности ничем не упрощаемой личности, и тем не менее кажется полезным присмотреться с этой точки зрения к описанию «вшивой болезни» – не найдется ли и тут чересполосицы версий? Пусть глава 36 выглядит однородно «контрсулланской», не Плутарх делил жизнеописание на главы, а ведь сразу за знаменитым перечнем жертв фтириазиса следует рассказ о вешем сне, взятый из воспоминаний Суллы. Возможно ли, что и этот перечень взят из воспоминаний Суллы или какого-то примыкающего к ним текста просулланского предания, как заимствовано отсюда, например, описание похорон Суллы. Исключать подобную возможность нельзя. Действительно, если в рассказе о фтириазисе Суллы Плутарх связывает этот неприглядный недуг с развращенностью, далее он же приводит тот самый перечень, а в нем только Евн «не прославился ничем полезным», хотя и он заболел вшивостью не в наказание за мятеж, а из-за долгого пребывания в тюрьме (где завшивел и заслуженно знаменитый Каллисфен) – а остальные и вовсе были по меньшей мере второстепенными аргонавтами. Отсюда следует, что если бы Сулла был просто одним из этого перечня («... а также юриста Муция и диктатора Суллу»), его вшивость не казалась бы такой гнусной и в качестве необычного недуга, постигающего исключительно великих мира сего, даже приобрела бы известный престиж.

ЛУЦИЙ КОРНЕЛИЙ ЭПИКАД

Памятуя о значении, которое Ричард Бентли придавал хронологии, пора наконец рассмотреть последовательность свидетельств о фтириазисе в классической традиции. Итак, первым пишет о вшивости при *некоторых болезнях* Аристотель, тут же называя двух знаменитых людей, якобы буквально съеденных вшами – Алкмана и Ферекида. Источники Аристотеля неизвестны (и могли быть устными), а вот сочинения его чуть ли не на два века оказываются под спудом и никаких сведений о вшах и вызываемых ими болезнях эти два века до нас не доносят. Правда, как раз тогда появляется греческий текст (Септуагинта), где описывается съедение червями Антиоха Епифана и, конечно, в наказание за злодеяния – но для греческой традиции этот текст остается маргинальным. Затем Сулла после победы над Митридатом прибывает в Афины, где получает сочинения Аристотеля и Феофраста, незадолго до того купленные у потомков наследника Феофраста Нелея афинским книжником АPELLИКОНОМ (Strabo. XIII. 54. 609), и привозит эти сокровища в Рим (Plut. Sulla. 26). Позднее – но никак не прежде 71 года, так как до того в Риме не бывал – знаменитый грамматик Тираннион начинает приводить манускрипты в порядок, а еще позднее их издает философ Андроник²⁴. Выходит, что более десяти лет – от

²⁴ Когда Тираннион попал к Лукуллу при взятии понтийского Амиса, он был уже знаменитым грамматиком (Plut. Luc. 19), т.е. человеком немолодым, а значит, никак не мог сотрудничать с перипатетиком Андроником Родосским, который, если верить Авлу Геллию, работал в Риме уже при Августе (Gell. X. 5). Не менее известен, однако, ученик Тиранниона, тоже Тираннион (Свида различает их как «старшего» и «младшего»). Он был отпущенником семьи Цицерона человеком и обладал замечательным талантом наводить порядок в библиотеках, так что у друзей Цицерона, как мы знаем по его переписке, был нарасхват, но не меньше прославился своими работами об Аристотеле. Весьма вероятно, что и с рукописями Аристотеля работали оба Тиранниона: старший получил их от Фавста Суллы, а младший продолжил и (уже вместе с Андроником) завершил труды учителя. Афинская добыча Суллы была крупнейшим научным событием столетия, тексты были в ужасном состоянии, необходимой для работы с ними квалификацией обладали два-три человека – и подготовка издания никак не могла занять меньше нескольких десятилетий.

возвращения Суллы из Афин и до прибытия в Рим Тиранниона – никто этими рукописями всерьез не занимался. Простая логика говорит, однако, что если даже некоторое время никто не готовил труды Аристотеля и Феофраста к изданию, это не значит, что никто их не читал – такое было бы против человеческой природы. Более того, Тираннион получил манускрипты не без труда: Страбон (loc. cit.) пишет, что он добился своего только $\theta\epsilon\rho\alpha\lambda\epsilon\delta\sigma\alpha\varsigma\ \tau\omicron'\ \nu\ \epsilon\lambda\iota\ \tau\eta\varsigma\ \beta\iota\beta\lambda\iota\omicron\theta\eta\kappa\eta\varsigma$ – «улестив / состоявшего / при библиотеке». Владельцем библиотеки давно уже был сын Суллы Фавст, в ту пору начинающий политик (он держал сторону Помпея и в 46 г. до н.э. был убит в Африке), унаследовавший от отца не только книги, но также службу и дружбу отпущенника Суллы Эпикада.

Сулла писал воспоминания до самой смерти, но завершить последнюю книгу конечно же не мог, и Светоний утверждает, что как раз это и сделал за него греческий грамматик Луций Корнелий Эпикад (Suet. De grammat. 12), о котором он (и только он) сверх этого сообщает мало, хотя нет никаких оснований сомневаться в достоверности сообщаемого. Итак, Эпикад был близок с Суллой и затем с Фавстом и дописал (разумеется, с разрешения наследников) ту самую последнюю книгу записок Суллы, на которую ссылается Плутарх, когда рассказывает о последних днях диктатора, не зная или – вероятнее – не беря в расчет, что в написании последних глав непременно должен был принять участие кто-то из близких автора. Значит, текст, которым через полтора года после Суллы пользовался Плутарх, был доработан Эпикадом, уже знавшим наверняка, что враги Суллы видят причину его вшивости в преступном и порочном поведении. А при этом Эпикад по-прежнему жил в доме, где хранились недавно полученные сочинения Аристотеля и Феофраста, и не просмотреть новообретенные сокровища было бы для него, грамматика, противос естественно.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что Эпикаду как грамматика было бы еще естественнее не просто читать попавшие ему в руки тексты, но и пытаться их исправлять, раз это пытался делать даже Апелликон. Во всяком случае, весьма вероятно, что тот самый $\omicron\ \epsilon\lambda\iota\ \tau\eta\varsigma\ \beta\iota\beta\lambda\iota\omicron\theta\eta\kappa\eta\varsigma$, не сразу отдавший рукописи Тиранниону, был именно Эпикад, так и не справившийся с этой текстологической работой или так и не решившийся ее предпринять, но испытывавший понятную ревность к конкуренту. Более того, не исключено, что он был отчасти повинен в порче текста, обычно приписываемой лишь некомпетентности Апелликона, и что это было лишним поводом не спешить отдавать книги. Но так или иначе, много лет – сначала при жизни Суллы и затем после его смерти – образованный грамматик Эпикад был единственным, кроме покойного Апелликона, кто читал Аристотеля, и ко времени смерти Суллы он скорее всего успел прочитать главу о вшах, погубивших Алкмана и Ферекида, а об этом после Апелликона не читал никто, потому что никто к этим книгам доступа не имел.

Эпикад был, конечно, так или иначе знаком с пропагандистской топикой, актуальной для греческого Средиземноморья его времени: скажем, концепция богоизбранности лидера для греков к тому времени стала уже привычной, а у римлян до Суллы на подобное не претендовал никто, кроме старшего Сципиона, чьи претензии, судя по отзыву симпатизирующего ему Тита Ливия, успеха не имели (Liv. XXVI. 19). Нельзя наверное сказать, читал ли Эпикад Септуагинту, но скорее всего он был знаком – пусть поверхностно – с легендой о сожравших Антиоха червях: тот умер сравнительно недавно, и на греческом Востоке еще была жива недобрая память о нем, а с нею и предания о злой смерти. В общем,

если сам Сулла и не беспокоился на смертном одре, как бы его счастье не оказалось скомпрометировано вшивостью, преданный памяти патрона Эпикад при работе над завершением его воспоминаний обязан был об этом побеспокоиться, так как дурная молва о болезни Суллы наверняка пошла – по крайней мере среди греков – сразу после его смерти, а то и раньше, так как лечили больного тоже греки. Опровергнуть вшивость Суллы не мог никто, а значит, оставалось лишить фтириазис нежелательных коннотаций.

В те годы Эпикад был, как сказано, единственным грамматиком и вообще единственным ученым человеком, имевшим доступ к трудам Аристотеля, включая цитированный параграф о вшах, погубивших Алкмана и Ферекида. Романтическую вероятность, что верный отпущенник искажил и без того испорченный Апелликоном текст в желательном для себя духе нужно исключить уже потому, что тогда все или почти все свидетельства о фтириазисе отсылали бы к авторитету Аристотеля – при том, что у Аристотеля, как по мере сил показано выше, ничего особенного о вшивости не говорится. Наверняка Эпикад прочитал у Аристотеля то же самое, что читаем сейчас мы, но и этого было довольно: у Аристотеля названы два великих (а для ученого грека в особенности) человека с беспорочной репутацией, которые тем не менее умерли из-за вшей.

Смерть Суллы была необычной, потому что сочетание тяжелейшей формы лобкового педикулеза со смертельной и при этом не диагностированной внутренней болезнью уже и само по себе необычно, а у живущего в отличных гигиенических условиях и в окружении лучших столичных врачей патриция необычно до невероятности. У столь невероятной смерти и причина должна быть столь же невероятной – и конечно столь же непривлекательной. Между тем свидетельство Аристотеля помогало дать смерти Суллы совершенно иной контекст, так как Аристотель, разумеется, никак не связывает смерть Алкмана и Ферекида с их проступками или преступлениями – подобные домыслы стали появляться (и то изредка) многими веками позже, когда смерть от фтириазиса уже ассоциировалась прежде всего с преступлениями Суллы. Эпикад, следовательно, располагал авторитетным свидетельством, что два великих и любимых богами мужа умерли от той же болезни, что и Сулла, тоже великий и любимый богами муж. Чтобы придать этой картине убедительности, желательно было лишь увеличить число знаменитостей, павших жертвой фтириазиса до Суллы, и Эпикад это сделал – но сделал, как умел. Он был грек и грамматик, а стало быть, великими людьми были для него прежде всего великие греки, как-то связанные с греческой словесностью – неважно, в качестве персонажей, как мифологические герои (при том что любой перечень и вообще должен начинаться с чего-нибудь мифологического) или в качестве авторов. И вот в перечне жертв фтириазиса к Алкману и Ферекиду добавляются мифический Акаст и писатель Каллисфен, который к тому же и вправду наверняка страдал вшивостью, потому что долго сидел в клетке. Еще один узник, Евн, мог быть добавлен Плутархом (*virii illustres* слишком редко умирали в тюрьме, чтобы пренебречь даже и такой знаменитостью) – а с другой стороны, Евн был героем не греческой, а римской истории и уже тем был полезен, так что включить его в список мог и сам Эпикад. То же с «правоведом Муцием»: кем бы из правоведов Муциев он ни был, он был римлянин и заведомо почтенный, а значит, появление его в списке можно объяснить необходимостью прочертить от Акаста к Сулле более или менее непрерывную линию – завершающуюся, ко-

нечно, Суллой, который так навсегда и остался последней по времени жертвой таинственного недуга.

Перечень Плутарха наверняка близок самому первому перечню, но не непременно ему тождествен, потому что нельзя сказать точно, где именно поместил этот первый перечень Эпикад: он мог быть как частью одной из заключительных глав записок Суллы (рассказывает же тот о своем вещем сне, почему не рассказать о болезни?), так и отдельным текстом, хотя как-то приобщенным к запискам наподобие рассказа о похоронах. Гадать бессмысленно, довольно и того, что Плутарх несомненно получил этот перечень не вместе с описанием жестокой смерти тирана, а вместе с повестью о последних трудах спасителя республики, т.е. вместе с просулланским преданием, главной частью которого были записки Суллы.

Таким образом, перечень Эпикада был частью грандиозного пропагандистского проекта, начатого самим Суллой, но поддерживавшегося и распространявшегося преданными ему людьми как при его жизни, так и некоторое время после его смерти. Перечень Эпикада свидетельствовал, что Суллу постигла участь, прежде постигавшая лишь славных мужей, а значит, его болезнь не только не опровергает его богоизбранности, но, напротив, служит ей своеобразным подтверждением. Эффективность этого пропагандистского мифа оказалась весьма скромной, что видно по Плутарху: тот охотно верит в смертельный фтириазис великих людей, но продолжает настаивать, что причиной вшивости Суллы была его порочность – в отличие, стало быть, от всех прочих от Акаста до Муция. Поддержать репутацию Суллы, таким образом, не удалось, зато вполне удалось на многие века убедить человечество, что помимо обычной вшивости существует еще некая загадочная неизлечимая болезнь, которой болеют только великие люди и то изредка. Что после Суллы никто от фтириазиса не умер – это как-то не привлекало внимания, а вот славным мужам древности биографы порой по инерции приписывали таинственный недуг, расширяя тем самым список его жертв, потому что у замечательного человека и болезнь должна быть замечательная.

«THE LOUSY DISEASE»
(*Sulla's Death in the Biographical Tradition*)

Ye. G. Rabinovich

The possibility of death because of phthiriasis was already doubted in the 19th century, and was definitely rejected by the 20th century medicine. However, the attempts to diagnose Sulla, the best-known victim of phthiriasis, failed. The author reconsiders all ancient evidence concerning Sulla's and other persons' lousiness, beginning with Aristotle's account of the death of Alcman and Pherecydes (Hist. anim. V 557a3), which is the only one chronologically earlier than Sulla's death. The earliest and the most detailed of the rest is Plutarch's account of Sulla's death with a list of other persons who had died of the same disease.

The author goes on to analyse Sulla's death; no doubt, the latter suffered from phthiriasis, but no doubt again, he died not of phthiriasis, but of an internal disease. The question is why he could not get rid of lice, and this question is answered by modern medicine: pediculosis is not treated radically before the main disease is cured. This means that Sulla just did not live long enough to have his phthiriasis cured. (Perhaps such precedents gave Aristotle ground for saying, a propos of Alcman and Pherecydes, that «certain diseases» made lice appear in great number.) Sulla's lousiness was, however, an obstacle for the propaganda of his divine mis-

sion, for this repelling disease was associated with viciousness. In this respect it is important that by that time Sulla had for some years possessed in his library Aristotle's works, which he had got during the capture of Athens and which before that had been kept out of sight for two centuries and even at that time were hidden locked (Tyrannion the Grammarian did not get access to them until the year 71). The only person who could read them was Sulla's freedman grammarian Epicadus who finished his patron's notes after his death, and so he was the only one to know about Pherecydes and Alcman who were not criminals, but had died of lousiness.

Consequently, Epicadus could give Sulla's death another context by presenting it alongside with the deaths of outstanding and honorable men, if he only added the list of such men to Sulla's notes in the way he added the solemn description of Sulla's funeral, preserved by Plutarch. This first list fell into Plutarch's hands, and all the persons listed there had died before Sulla. Later on the list was enlarged, but it still ended with Sulla's name, the fact which would have been impossible if the phthiriasis had been real. Epicadus failed to acquit Sulla in the opinion of the posterity (the malevolent would still say that it was his viciousness that accounted for his lousiness). Yet he succeeded, with Plutarch's unintentional help, in convincing many a generation that lice could sometimes eat a man alive, but curiously, if only the man was great enough.